ГАСТРОЛИ ИРКУТСКОГО ТЕАТРА

ЖАЛКО БУДЕТ РАССТАВАТЬСЯ

ГАСТРОЛИ Иркутского драматического театра в Хабаровске подходят к концу. Афиши извещают о последних спектаклях, волнение у подъезда театра по вечерам растет. Все нетерпеливей и безнадежней звучит вопрос:

— Нет ли у вас лишнего билета?

Каждый день театр полон. А на «Гамлете» дирекция театра вынуждена ставить приставные стулья. Да, «Гамлет» — самый популярный спектакль иркутян. Снова Шекспир волнует умы человеческие.

Быть или не быть? — вот в чем вопрос!
Что благородней для души — терпеть
Судьбы — обидницы удары, стрелы,
Иль, против моря бед вооружась,
Покончить с ними?

Впрочем, не ищите в спектакле иркутян этого вопроса — «быть или не быть?» С первой же сцены ясно: конечно, быть! конечно, действовать! Этой решимостью горят глаза Гамлета — артиста Чичерина с первого выхода. Он страдает (порой, к сожалению, слишком картинно), его мучают подозрения. Но нет в этом юноше и тени душевной слабости, рефлексии. Он весь как сжатая пружина или клинок в руке, секунда — и вырвется наружу эта сила и поразит кого-то. Он только ждет, подтвердятся или нет слова отца. Таков Гамлет Чичерина — пылкий, гневный, решительный юноша. А где же «слабость воли при сознании долга», традиционная трактовка Гамлета? Где глубокая философия, мысли о жизни и смерти? Это ведь не Шекспир, скажете вы. Пожалуй. Но зато современно.

Иркутский театр по-современному прочел трагедию Шекспира (режиссер-постановщик засл. деятель Кир. ССР М. М. Рогачев). И хотя в спектакле не все удалось: мелкопаты Королева, Лаэрт и некоторые другие образы, — спектакль волнует современностью своих идей и характеров. Театр показывает Гамлета прежде всего бойцом с несправедливостью.

У Иркутского драматического театра тонкий слух и чуткое сердце. Он чувствует, чем живет его зритель, советский человек 60-х годов XX века, и стремится ответить на его вопросы.

Это больше всего радует в работе наших гостей.

ВОТ ХОТЯ БЫ спектакль «От щедрости сердца». Его можно было сыграть как семейную драму, даже мелодраму. Вечную проблему отцов и детей. Пьеса Б. Левантовской, иркутского драматурга, позволяла такую трактовку. Она написана остро, хорошим языком, динамично, со знанием законов сцены. Но много в ней от мелодрамы. А театр создал спектакль больших гражданских идей. Можно ли убить веру советского человека в справедливость нашего строя, в доброту и гуманность людей, сломить его мужество? — поставлен вопрос в пьесе. И театр отвечает — нет! Отвечает образом Лукьянова, реабилитированного коммуниста.

Этот спектакль радует не только глубоким прочтением пьесы (режиссер, засл. арт. республики Ю. Ю. Корнуш), но и отличным актерским ансамблем, чего нет, к сожалению, в некоторых других постановках иркутян. На спектакле «От щедрости сердца» как-то особенно ясно видишь, какие хорошие артисты в Иркутском драматическом театре, как они верно несут мысль, как глубоко и тонко чувствуют, как просты, как экономны во всем. Это и создает ощущение правды на сцене. Здесь все хороши — и старшие артисты театра (лауреаты Гос. премии СССР, засл. артисты РСФСР А. П. Терентьев и Н. И. Харченко, артистки А. П. Зимарева, Ю. В. Уральская, и совсем молодые, вчерашние студийцы (артисты С. Ленина, С. Чичерин).

ОПАСНОСТЬ сыграть только мелодраму, свести все к частному случаю подстерегала театр и в пьесе «Барабанщица» А. Салынского. Она, собственно, и написана как мелодрама. В последние годы этот жанр стал распространяться у нас в драматургии и на сцене как эпидемия. Это, конечно, в пьесах худшего образца. Подлинный портрет советского человека богат и сложен, прост и сдержан. Вспомним Юрия Гагарина. Какие простые, веселые слова говорил он в последние минуты перед полетом. А какие мысли, тревожные, радостные, дерзкие, неверное, теснились в его голове. Вот подлинный герой нашего времени, тип молодого современника. Изобрази его какой-нибудь актер на сцене слезка чувствительным, сентиментальным, и сразу что-то важное, дорогое для нас потерял бы этот образ — неповторимое человеческое обаяние, красоту мужественной личности. Образ стал бы мельче.

Вот так и в любой мелодраме. Содержание «Барабанщицы» можно пересказать в двух фразах. Советская разведчица Нина Снежко, выполнив задание, остается в нашем освобожденном городе. Она не смеет сказать людям правду о себе, и ее считают «немецкой овчаркой», изменницей, презирают и даже бросают в нее камнями.

Жалко ее? Жалко. Вот эту жалость и одинокой девушке-героине и мог бы сыграть театр. У него для этого есть множество средств. И получились бы слезы, сентиментальные сцены.

Иркутский театр жалеет не одну Нину Снежко, но и тех, кто погиб, выходя из окружения, и тех, кто заживо был погребен под развалинами домов, и тех, кто стертыми в кровь руками копал противотанковые рвы на многие многие километры.

Спектакль «Барабанщица» звучит как реквием всем погибшим, всем страдавшим на войне.

Жертвенный огонь зажигается на обломке стены в финале спектакля. Священный огонь в честь павших героев. Красные языки пламени, словно гибкие горестные руки, рвутся в небо. Багровым светом залита сцена. Этот огненный свет падает на лица зрителей, он тревожит, он кричит:

— Помните о погибших!

— Не дайте повториться войне!

Снова театр находит самую прямую дорогу к сердцам зрителей, к их сегодняшним мыслям и чувствам. Ведь об этом и думают те, кто сидит в зале. Снова нависла опасность войны. Рвутся над землей и в космических высотах атомные и водородные бомбы. Сегодня это испытания. А завтра?..

Надо предотвратить войну!

С этими мыслями уходят зрители со спектакля.

Общее решение спектакля, прочтение пьесы режиссером Е. Д. Табачниковым и художником Г. И. Лирской можно назвать художественным открытием. Тем досаднее, что этому интересному решению постановщик не сумел подчинить все компоненты спектакля. В первую очередь актерскую игру. Пожалуй, только Г. А. Крамова, народная артистка РСФСР, безукоризненно точно воплощает замысел режиссера. Ее мать, старый фронтовой врач, мужественна и проста. Нигде она не впадает в слезливость. А уж сколько возможностей дает роль.

В начале убеждает нас своим поведением на сцене артист А. М. Ланганс в роли Чуфарова, дядюшки Федора. Ведь и у таких приспособленцев и перестраховщиков есть своя правда. Они в нее верит, например, что всякие отношения с Ниной — «немецкой овчаркой» позорят честного советского человека. К сожалению, во второй половине спектакля Ланганс сбивается с верного тона и начинает играть классического злодея на мелодрамы.

Очень традиционны образы Тузиковой и Кругликова в исполнении артистки А. П. Зимаревой и засл. арт. РСФСР В. И. Попова.

Есть серьезные просчеты и у артистки Д. В. Поповой в роли Нины Снежко. Минутами она слишком бурно жалеет свою героиню. В других же сценах мы видим опытную, умную, с железной волей разведчицу. Соединить эти два образа в одно трудно.

ПОЧЕМУ ТАК ПОДРОБНО разбирается «Барабанщица»? Потому, что этот спектакль очень характерен для Иркутского театра драмы в целом. Отдельные спектакли оставляют впечатление, что работа, начатая с увлечением, фанатизмом, не была доведена до конца. Это и в «Барабанщице», и в «Золотом мальчике».

В последнем — особенно. Что такое «Золотой мальчик» Клиффорда Одетса? Это картина сегодняшней Америки. Пьесу можно было бы печатать под рубрикой «В каменных джунглях». Есть два мира в Америке — античеловечный, бездушный, где все перечисляется на деньги — и счастье человеческое и любовь, и мир маленьких людей, неимущих, но богатых душой. Только здесь сохранились высокие идеалы, утверждает драматург. Эти два мира борются, борются они и в душе Джо Бонапарте, сыне бедного зеленщика. С душой нежной, как скрипка, этот мальчик заболел золотой лихорадкой. Каждый день мимо него перед витринами несутся роскошные машины, в них сидят довольные, элегантные люди. Он тоже хочет стать такими! Стать им ровней!

Сложную психологическую драму, даже трагедию, переживает Джо. На наших глазах гибнет прекрасная человеческая душа и выползает зверь, жестокий, тупой, хищный.

Об этом пьеса. Об этом мог быть спектакль. Но он не получился. Только где-то во внешнем образе спектакля проглядывает интересный замысел режиссера М. Б. Шнейдермана. Золотая лестница, уводящая к небоскребам Нью-Йорка, и на ней смятый букет цветов. И это все.

В спектакле нет движения, нет борьбы, потому что нет двух антагонистических миров. Мир бизнесменов изображают карикатурно (исключение составляют Том Моди и Лорна Мун в исполнении засл. артиста РСФСР А. П. Тишина и артистки Д. В. Поповой), а добрые бедняки вялы и невыразительны.

Главное же — в спектакле нет Джо, юноши, раздираемого противоречиями. Есть юный корыстолюбец. При всем желании, в нем больше ничего не разглядишь. Джо Бонапарте играет молодой артист С. С. Чичерин, полюбившийся хабаровчанам за свой темперамент, искренность, обаяние. И не его вина, что роль Джо не удалась. Чичерин недавно играет эту роль, заменив заболевшего артиста. Так говорит в театре. Поражает другое: как же это не помешал театр свой спектакль своего зрителя, выпустив незаконченную работу? Как не пожалел молодого актера?

А разве театр не умеет работать с молодыми актерами? Прекрасно умеет, и не только с молодыми. Вот пример — «От щедрости сердца», глубокая психологическая драма, или спектакль «Кредит у Нибелунгов», цельный, острый, решенный как политический памфлет. В скобках скажем, что остроты этой в сценах любовных многовато, иногда они выглядят непристойностью. Где-то постановщику, засл. арт. республики А. Н. Терентьеву изменяет чувство меры. Но это частность, от которой, однако, хотелось бы освободить спектакль. В целом же он решен верно, остро, современно.

Вот какие головоломки задает нам Иркутский театр, какие контрасты в своей работе демонстрирует. Думается, многое идет от того, что в театре три года нет главного режиссера, а очередные режиссеры исчезают слишком быстро. При этом у каждого свой творческий метод, своя программа. Трудно в таких условиях выработать в театре единые художественные критерии.

Актеры с душой работают в своем театре, иные по 20—30 лет, любят его преданно и ревниво. Старшее поколение подготовило себе смену, чудесную, одаренную смену, в чем нашим гостям можно искренне позавидовать.

Иркутский драматический театр переедет на гастроли в Комсомольск-на-Амуре. Мы с сожалением расстаемся с ним. Его лучшие спектакли говорят о высоком мастерстве актеров, о творческой зрелости всего коллектива. Они надолго останутся в памяти хабаровчан.

Д. БОРИСОВА.

Очень теплой была встреча артистов Иркутского драматического театра с коллективом завода «Дальдизель». В обеденный перерыв летний театр заводского парка заполнили рабочие и служащие. С большим вниманием они смотрели сцены из спектаклей «Обрыв» и «Ленинградский проспект». Артист Николай Панкратов прочитал стихи Маяковского. Дальдизелевцы горячо благодарили артистов.

На снимке: сцена из спектакля «Обрыв». Марфенька — Жанна Хрулева, Викентьев — Степан Соколов.

Фото Н. Шкулина.

ТИХООКЕАНСКАЯ ЗВЕЗДА
29 июля 1962 г.